

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ

И.А. Фурманов

Напечатана в «Избранные научные труды Белорусского государственного университета». В 7 т. Т. 1. Педагогика. Психология. Социология. Философия. – Мн.: БГУ, 2001. – С.183-190

Отечественная и зарубежная статистика показывает, что дети, как правило, чаще становятся жертвами насилия, чем взрослые.

Согласно существующей классификации можно выделить три категории насильственных действий [3]:

- **пандемическая** (имеющая распространенный характер), к которой относятся физическая и вербальная агрессия между сиблингами, физические наказания родителями детей, воровство, физическая и вербальная агрессия агрессия со стороны окружающих, вандализм, ограбления;

- **острая** (имеющая эпизодический характер), к которой относятся изнасилование, физическое и сексуальное оскорбление (злоупотребление), ненадлежащий уход со стороны родителей (попустительское, пренебрежительное отношение), похищение ребенка одним из членов семьи, психологическое насилие;

- **экстраординарная** (имеющая чрезвычайно редкий характер), к которой относятся похищение ребенка посторонними людьми, убийство.

Жестокое обращение в любой форме его проявления влияет на все аспекты развития ребенка. Жестокое обращение накладывает отпечаток на физическое и умственное здоровье, на психику и взаимоотношения в обществе.

В нашей статье мы рассмотрим наиболее распространенные формы насилия в семье, имеющие для ребенка глубокие психологические последствия

Физическое насилие — это насильственные и другие умышленные незаконные (запрещенные) человеческие действия (надругательство, оскорбление, наказания), которые причиняют ребенку физическую или душевную боль и страдания, а также наносят ущерб его развитию и жизнедеятельности.

Сексуальное насилие или оскорбление квалифицируется в тех случаях, когда были предприняты следующие действия по отношению к ребенку:

- а) сексуальный контакт между взрослым и сексуально незрелым ребенком с целью получения взрослым сексуального удовольствия;

- б) использование силы, угроз или обмана с целью вовлечения ребенка в сексуальную активность;

- в) сексуальный контакт, при котором ребенок не способен контролировать свои взаимоотношения со взрослыми в силу возрастных и физических особенностей.

Последствия физического и сексуального насилия могут проявляться в различных симптомах. Однако, среди них есть и схожие реакции [1]:

1. Травматические стрессовые реакции. Состояния страха и тревоги относятся к тем симптомам, которые возникают у этих детей как в виде непосредственных, так и отсроченных реакций на травму насилия.

Ко вторым относятся нарушение сна (беспокойный сон, бессонница), плохой аппетит, психосоматические жалобы, всепоглощающая тревога. Страх часто имеет генерализованный характер, т.е. распространяется не только на насильника, но проявляется в настороженном отношении или избегании родителей и других взрослых, пользующихся авторитетом.

У некоторых жертв могут проявляться посттравматические стрессовые расстройства, с типичными симптомами реинтерпритации и переосмысления травматического события, избегания ситуаций, ассоциирующихся с физическим или сексуальным оскорблением, сильного возбуждения со сверхбдительностью, появлением ночных кошмаров, болезненной чувствительности. Кроме того навязчивые воспоминания, часто с видениями в виде ярких вспышек и повторяющимися ночными кошмарами, касающимися событий, связанных с надругательством вызывают у них страх перед отходом ко сну.

2. Подозрительность и недоверие. Детям, которые подверглись сексуальному насилию, физическим наказаниям, словесным оскорблениям, а также побывали в роли “козла отпущения” очень трудно установить доверительные отношения со взрослыми. Многие из них воспринимают мир, как опасное место. Они больше не ожидают от своих родителей и окружающих поддержки и помощи в реализации себя. Они также не доверяют другим людям, не считают их надежными, способными защитить их.

Эти дети могут считать, что все потенциальные объекты любви опасны и непредсказуемы. Кроме того они постоянно подозревают, что другие будут пытаться причинить им боль. Эти чувства проявляются в быстрой защитной реакции ребенка, когда взрослый делает резкие движения в его сторону. Обычно ребенок поднимает руки, защищая лицо, или шарахается в сторону от взрослого, пытаясь защитить себя даже, если взрослый просто хочет его приласкать или пожалеть. Как отмечают медики, при проведении медосмотров такие дети обычно нервничают и крайне возбуждены.

Следует также отметить, что крайняя настороженность и подозрительность таких детей может распространяться на всех мужчин, а иногда и женщин.

3. Депрессия и суицидальное поведение. У этих детей наблюдаются депрессивные симптомы, сопровождающиеся печалью и неспособностью испытывать приятные ощущения. Тяжелая депрессия, как правило, сопровождается чувством униженности, состоянием чрезвычайной уязвимости и ощущением вторжения в их “интимную” зону. У детей, переживших физическое или сексуальное насилие, глубокая депрессия часто сочетается с саморазрушительным поведением в таких формах как причинение увечий самим себе, суицидальные реакции, суицидальные попытки и желания.

4. Импульсивность и поведенческие расстройства. Поведение этих детей часто сопровождается деструктивным, асоциальным или неконтролируемым поведением дома и в школе. Они отличаются задиристостью, драчливостью, агрессивностью по отношению к сверстникам, братьям и сестрам. Эти дети могут иметь большой опыт побегов из дома. Поэтому, бродяжничая или присоединяясь к деликатным группам подростков, они часто очень рано вовлекаются в злоупотребление алкоголем, наркотиками, занятия проституцией.

С одной стороны, их поведенческие проблемы связаны с недостаточным контролем над импульсами. С другой, они базируются на идентификации с их родителями или другими взрослыми, склонными к насилию. Это всем известный механизм “идентификации с агрессором”, который является основным механизмом защиты против чувства тревоги и беспомощности.

Действовать агрессивно – это один из основных путей защиты детей, подвергшихся жестокому обращению. Результатом агрессии становится глубокая отчужденность от остальных. Агрессия становится достаточно сильной, так как ребенок хочет, чтобы другие держались от него в стороне из страха, что его могут обидеть, охотно демонстрирует враждебность. Нередко у таких детей мало друзей, так как сверстников пугают их частые эмоциональные взрывы.

Дети, постоянно подверженные физическому или сексуальному насилию, вовлекаются во взаимоотношения, при которых их часто обманывают. Оскорбления и обман становятся основой взаимоотношений ребенка и окружающих. Для этого случая хорошо подходит модель взаимодействия “жертва – преследователь”.

Что требует особого внимания, так это то, что ребенок может выполнять как одну, так и другую роль. В один момент он чувствует себя агрессором, преследующим противника, в другой момент он – потенциальная жертва. В случае, когда он считает себя агрессором, он воспринимает себя, как подавляющего, всемогущего, сильного. Когда же он в роли жертвы, то его можно охарактеризовать, как беспомощного и слабого.

Тип отношений “преследователь – жертва” очень часто присутствует во взаимоотношениях между подвергшимся насилию ребенком и другими людьми, причем именно ребенок провоцирует враждебность.

5. Низкая самооценка. Эти дети начинают рассматривать себя с некоторым недовольством и презрением. Их низкая самооценка со временем маскируется компенсаторной грациозностью и фантазиями всемогущества. Низкая самооценка у жертв сексуальных оскорблений часто основывается на стыде и чувстве вины, ассоциирующемся как клеймо инцеста. Стыд и вина могут появляться и в отношении собственных переживаний, когда в период домогательства у ребенка возникают приятные сексуальные фантазии и сексуальные чувства. Жертвы инцеста могут также испытывать синдром “испорченного товара”, при котором ребенок постоянно ощущает себя физически непривлекательным для сексуальных контактов.

6. Потеря интереса к школе. Характерна школьная неуспеваемость из-за снижения познавательной мотивации, гиперактивности, специфических учебных затруднений.

Чувство ущербности и неполноценности, низкая самооценка делают детей, подвергшихся насилию, неуверенными в своих способностях. Они всегда подсознательно ожидают неудачи.

Необходимость получения новых навыков и решения новых задач беспокоят ранимое и хрупкое самосознание ребенка. Неизбежность неудач, которая ассоциируется с новыми задачами, для выполнения которых у ребенка еще недостаточно умений, приносит чувство страха и нарушают хрупкое эмоциональное равновесие ребенка. Ожидание провала, а не успеха заставляет его проявлять меньшие способности к независимому обучению, быть менее инициативным в своем школьном окружении и сдерживаться от самоутверждения. Уровень мотивации учения, основанный на прецеденте успеха и желании контролировать мир, остается очень незначительным.

Вместе с тем, у детей, подвергшихся физическому или сексуальному насилию можно отметить и некоторые специфические реакции.

В частности, у детей, подвергшиеся **сексуальному насилию** это:

Гиперсексуальность. У этих детей отмечается высокий уровень (низкий порог) сексуального возбуждения и они часто испытывают оргазм. Они не способны отличать нежные и любовные отношений от сексуальных. Поэтому либо часто возбуждаются лишь от физических прикосновений, либо как защитное поведение демонстрируют психологическую холодность и закрытость. Дети всех возрастов, подвергшиеся сексуальному насилию, сексуально соблазненные сверстниками или взрослыми, часто прибегают к сексуальной самостимуляции – “вынужденной” мастурбации. В подростковом и юношеском возрасте эти дети могут быть склонными к беспорядочным половым связям. Движимые сильной потребностью в любви и комфорте, удовлетворения которой они ищут в сексе, полностью обесценивая при этом самих себя. У них также могут иметь место тенденции к проституированию (тому способствует их соглашательское, уступчивое, пассивное поведение).

Избегание сексуальных стимулов. Могут отмечаться сильная тревожность и эмоции страха по отношению к сексуальным стимулам. И как следствие этого сексуальная индифферентность если домогательство исходило от мужчины, ребенок-жертва может бояться всех мужчин.

Нарушение половой идентификации. Патологическое психологическое развитие наблюдается как у мальчиков, так и у девочек. Девочки предпочитают более маскулинное (мужского типа) полоролевое поведение, их отличает конфликт половой идентификации и они более несчастны. У мальчиков отмечаются изменения в мужской половой идентификации, проявляющиеся в компенсаторном гипермаскулинном поведении и гомофобии. Некоторые мальчики демонстрируют женоподобное поведение.

Итак, при сексуальном насилии или оскорблении ребенок служит средством забавы и утешения родителей либо других близких взрослых и часто

используется в качестве объекта сексуального комфорта и получения сексуального удовольствия.

Как только совершается надругательство и сексуальный барьер переступается, жизнь ребенка меняется необратимо. Он или, что более часто, она может не понимать того, что случилось. Мужской пенис неприятен ребенку и может его испугать. Сперма кажется ему в чем-то сходной с мочой, а само событие может причинить боль и привести к кровотечению. Девочке при этом могли угрожать тем, что, если она кому-либо расскажет о случившемся, ее выгонят из дома, ей переломают ноги, ее мать убьют, а отца посадят в тюрьму.

В результате дети хранят все в строжайшем секрете месяцами и годами. Они ощущают ужас от того, что, рассказав, они нарушают некий негласный семейный обычай секретности. Их сдерживают сильное чувство лояльности к отцу или матери, а также страх пойти против запретов отца и перед угрозами наказания, в случае если кому-либо расскажут о происшедшем. Кроме того дети желают знать, случилось ли это на самом деле или им все это показалось? Ведь родители ведут себя так, будто ничего не произошло, и ребенок ждет, обмирая, повторится ли это снова. Он перестает верить самому себе, своему собственному опыту и рассудку.

В то время, когда над ребенком совершается надругательство, ему велят сдерживать свои эмоции, не плакать, обеспечивая совратителю некоторое ощущение триумфа. Ребенок вынужден молчать и подавлять боль и гнев. Желание девочки, например, рассказать о случившемся матери скорее всего встретит недоверие и упреки за “вздор, который она несет”. Более того, ребенок не знает порой даже слов, которыми возможно описать происшедшее, поскольку все это находится как бы по ту сторону его повседневного опыта.

Сексуальная травматизация ребенка может начинаться очень рано, между тремя и шестью годами. Гораздо раньше, чем он способен запомнить это. По мере достижения ребенком подросткового возраста возможен переход от прикосновений, несущих оттенок сексуальности, к развернутому оральному, вагинальному или анальному сношению. Ребенок привыкает к повторяющемуся надругательству. Он боится отходить ко сну, может страдать от ночных кошмаров, энуреза, испытывать трудности в школе, иметь поведенческие нарушения. При этом у него преждевременно пробуждается сексуальность. Девочка может стать молчаливой, замкнутой, отстраненной и слезливой, неожиданно отворачивается от родственника, с которым прежде была весела и игрива [2].

В подростковом возрасте девочка постепенно начинает осознавать свое отличие от большинства сверстников, лишенных столь тягостного опыта. Она стесняется выступать перед классом, показываться в раздевалке после уроков физкультуры и занятий спортом, боясь, что окружающие смогут разглядеть нечто и узнают о том, что же происходит с ней дома.

Для девушек, подвергшихся сексуальному насилию в детстве, трудно, а иногда просто невыносимо, поддерживать разговоры подруг о парнях, пер-

вых поцелуях, об уходе, о положении невесты и свадьбе. Еще в детстве она “потеряла” отца и мать, стала изолированной и депрессивной, с крайне бедным образом “Я”, чувствовала себя униженной, злой и в чем-то виноватой.

Девочка старается полностью забыть случившееся до тех пор, пока во взрослой жизни какое-либо событие, такое, например, как рождение ребенка или специальная телепередача, посвященная инцесту, не растревожит ее воспоминаний. Она может испытывать большие трудности, сталкиваясь с разного рода медицинскими осмотрами и обследованиями. И врачи часто не могут понять, в чем, собственно, дело. Вагинальное или ректальное (анальное) обследование вновь возвращает их к тягостным воспоминаниям, а авторитарная фигура врача напоминает им отца-насильника.

С такими детьми очень трудно вступить в контакт, так как они не хотят ворошить свои тягостные воспоминания, сопряженные с невыносимой душевной болью, и боятся вызвать у окружающих неодобрение, отвержение и отвращение.

Реакции детей, подвергшиеся **физическому насилию**, также имеют свои специфические особенности.

Нарушения в развитии и познавательной деятельности. У этих детей наблюдаются нарушения функций речи и говорения как результат заторможенности этих функций в случае если ребенка часто наказывали за плач и крики.

Поэтому эти дети часто вообще плохо говорят. Запас слов, используемых ими для описания своих чувств чрезвычайно мал. Например, если группу таких детей попросить описать картинку, многие просто будут повторять уже сказанное другими. В состоянии стресса они эмоционально закрываются, становясь словно “немыми”. Когда их просят описать чувства, испытываемые ими в момент, когда между ними и их оппонентами возникал спор, они или просто не могут этого сделать, или сильно возбуждаются в процессе рассказа. Намного удобнее они чувствуют себя, когда их просят описать конкретные причины и события, приведшие к конфликту.

Нарушения в центральной нервной системе. При отсутствии ясно выраженных повреждений головы, у этих детей могут наблюдаться “мягкие симптомы” нарушений в деятельности центральной нервной системы. Тем не менее есть основание полагать, что именно многочисленные лишения, такие как ненормальное воспитание в детстве, “бедное” внутриутробное развитие, отсутствие заботы в младенческом возрасте, дефицит питания, неполная сенсорная стимуляция могут приводить к подобным симптомам.

Очень часто у детей, жертв жестокого обращения, формируется иллюзорная вера в то, что их родители — хорошие и любящие, а они, дети, заслуживают наказания, потому что они плохие. Этим объясняется и их чувство вины, и их заниженный образ “Я”.

Помимо обиды и боли ребенок испытывает гнев и сильное психическое напряжение. Слишком многое ему часто приходится испытывать. В резуль-

тате он начинает отрицать свои чувства. Травмирующие переживания тлеют до поры в бессознательном, готовые в нужный момент, вспыхнув искрой, зажечься, когда перед ним предстанет подходящая жертва. Поэтому у этого ребенка могут наблюдаться явные или скрытые садистские наклонности: отрывать крылья мухам, издеваться над животными или обижать другого ребенка.

Еще одной наиболее распространенной, но наименее “заметной” формой насилия является **пренебрежительное отношение (родительская небрежность, детская запущенность)**, т.е. умышленное ограничение биологических потребностей ребенка или создание неблагоприятных условий для их удовлетворения, а также незаконные (запрещенные) человеческие действия, наносящие ущерб развитию и жизнедеятельности ребенка.

Между тем психологическая травматизация может оказаться не менее серьезной, чем физические страдания ребенка.

Эмоциональное или психологическое насилие — это преднамеренные деструктивные действия или значительный ущерб детским способностям, включающие наказание за чрезмерную эмоциональную привязанность ребенка к родителю или взрослому, за самоуважительное отношение к себе и потребности, необходимые для установления нормальных социальных взаимоотношений. Это могут быть:

а) постоянные ограничения способностей, возможностей и желаний ребенка;

б) ограничение доступа к социальным контактам и возможностей, необходимых для нормального развития ребенка как члена определенного сообщества, социальной группы, культуры;

в) постоянная угроза в оставлении ребенка одного и причинении в этой связи ему тяжелых физических и социальных страданий;

г) предъявление ребенку чрезмерных, не соответствующих возрасту, требований.

Один из самых важных принципов воспитания – это относиться к ребенку серьезно, смотреть на него как на равного, не унижать и не злоупотреблять его доверием.

К сожалению немало фактов того, что ребенок вырос в страхе перед жизнью, перед оскорблениями и побоями.

Уже доказано, что под воздействием каких-либо травматических переживаний, например, из-за того, что дети боятся шага ступить без ожидания унижений, оскорблений, наказаний и воспринимают ближнего как врага, как основной источник опасности – в них развивается пессимизм, безнадежность. Они часто сохраняют эту оценку на всю жизнь, не верят в себя, становятся нерешительными. Поэтому такие дети будут неутомимо пытаться завоевать авторитет, пытаться не быть **ничем**, а стать **всем**.

Любой детский психолог скажет, что дети испытывают особенную жажду власти и авторитета, жажду повышенного чувства собственного достоинства. Дети хотят действовать, хотят иметь большое значение. В одном

случае ребенок живет в согласии с родителями, в другом – он находится в атмосфере враждебности и развивается в противоречии требованиям общественной жизни. Он думает: “Я здесь ничто, я ничего не значу, меня не замечают”. И тогда на первый план выходит чувство неполноценности, недостаточности, унижения.

Когда дело доходит до того, что дети в угнетающем чувстве своей ничтожности уходят в оборону, тогда может проявиться такое явление, которое называется беспризорность.

Семья. Пренебрежительное отношение к ребенку очень часто встречается в семьях с так называемой гипопротекцией. Это стиль воспитания, при котором ребенок находится на периферии внимания родителей и попадает в поле их зрения только тогда, когда случится что-то серьезное (болезнь, травма и т.п.). Родители не проявляют к ребенку никакого интереса и могут полностью игнорировать как его естественные (сон, еда), так и психологические (любовь, нежность, забота) потребности.

Родители, исповедывающие такой стиль воспитания, рассматривают ребенка как обузу, мешающую заниматься собственными делами. Поэтому ребенок в такой семье оказывается не только в эмоциональной изоляции, но и очень часто подвергается наказаниям, когда пытается все же тем или иным способом удовлетворить свои потребности.

Многим родителям приходится наказывать своих детей. Даже тем, кто считает, что этого делать нельзя.

Однако психологи высказывают большие сомнения по поводу того, что наказания приносят эффект, если применяются для воспитания детей. Это всего лишь родительское заблуждение. Им кажется, будто бы, если они прибегают к наказаниям, то могут заставить детей повиноваться и исправиться. По существу же родители таким образом проявляют лишь свое нетерпение и гнев.

Американский психолог А. Фромм считает, что существует ряд опасностей, которые возникают, когда родители применяют наказания:

1. Очень часто наказание не исправляет поведение ребенка, а лишь ображает его. Один проступок заменяется другим. Но при этом он по-прежнему может остаться неправильным и еще более вредным для здоровья ребенка.

2. Наказания вынуждают ребенка опасаться потерять родительскую любовь. Он чувствует себя отвергнутым и нередко начинает ревновать брата или сестре, а порой и к родителям.

3. У наказанного ребенка может возникать враждебное чувство к родителям, и это породит в его сознании чудовищную дилемму. С одной стороны, родители – это взрослые, восстание против них никак невозможно. С другой – он еще слишком зависит от них, чтобы извлекать пользу от своей вражды, не говоря уже о том, что он все-таки любит своих родителей. И едва в нем объединятся эти два чувства – любовь и ненависть, – как сразу же возникает конфликт, который приводит к тревоге.

4. Частые наказания так или иначе побуждают ребенка оставаться незрелым, инфантильным. Обычно его наказывают за какую-нибудь ребяческую проделку. Но желание достичь запретного не пропадает, и ребенок решает, что, пожалуй, не стоит от него отказываться, если можно расплатиться всего лишь наказанием. То есть он терпит наказание, чтобы расплатиться, очистить совесть и продолжать в том же духе – и так до бесконечности.

5. Наказание может помочь ребенку привлечь к себе внимание родителей. Хотя детям нужна, прежде всего родительская любовь, они часто ищут даже такую жалкую ее имитацию, как простое внимание. Ведь порой гораздо легче привлечь внимание родителей, делая какие-нибудь глупости, чем оставаться все время добрым и послушным. Речь может идти не только о добром внимании со стороны родителей – неважно: все равно, было бы внимание.

В результате соответствующего воспитания и постоянных наказаний от любви к родным не остается ничего, кроме видимости или привычки. Но часто нет даже этого и дети действуют против семьи. В жизни они играют роль людей, которым недостает чувства солидарности, у которых не сложились отношения с людьми, и они видят в ближних что-то враждебное. Они все время начеку, чтобы кто-нибудь другой их не обманул. Очень часто от таких детей можно слышать, что они готовы “растерзать” своих родителей. Недоверие прокрадывается во все отношения. Из-за него все время увеличиваются трудности совместной жизни. У них также очень часто наблюдаются деструктивные наклонности. Трусливое коварство растет в них само по себе из-за их недостаточного доверия к самим себе и к окружающим.

Итак, невозможность удовлетворения своих потребностей в семье приводит детей к тому, что они ищут себя в побочной, а не главной области отношений, которая закрылась для них, и пытаются компенсировать свой неуспех, свое честолюбие, стремления к власти и превосходству в другой не менее значимой деятельности – школьной.

Школа. Дети обреченные на неуспех в жизни – это дети с чрезвычайно сильным честолюбием, повышенной чувствительностью к любым обидам.

Если ситуация, связанная с неуспехом, который или уже произошел, или угрожает, повториться в школе – это ведет к безнадежности, к стремлению скрыть свою слабость. В начале этот ребенок начинает избегать школу.

Первый путь – проявить “защитную” форму лени. Известнейший американский психолог А. Адлер считал, что такую лень нужно понимать не как что-то врожденное или как плохую привычку, а как средство не подвергать себя какой бы то ни было проверке. Так, ленивый ребенок всегда может сослаться на лень: он проваливается на экзамене – виновата лень. Лучше потерпеть поражение из-за лени, чем из-за неспособности. И ребенок должен как опытный преступник создать для себя алиби. Он все время должен ссылаться на лень. И это ему удастся. Он спрятан за своей ленью, психическая ситуация по отношению к сохранению честолюбия облегчена.

Второй путь – ребенок начинает прогуливать занятия, подделывает подписи и делает “липовые” справки. Но что должен делать ребенок со свободным временем? Нужно найти какое-нибудь занятие. При этом чаще всего ребенок соединяется с себе подобными, с теми, кто уже вступил на тот же путь, у кого та же судьба. Это всегда честолюбивые дети, которые очень хотели бы играть некоторую роль, но которые больше не надеются удовлетворить свои потребности на основном жизненном пути. Таким образом, они ищут другие занятия, которые бы их удовлетворили. И очень часто эти дети становятся на преступный путь, так как не имеют опыта удовлетворения своих потребностей социально приемлемым способом.

Таким образом различные типы насилия могут иметь различные последствия при развитии ребенка. Побои, наказания, сексуальное домогательство и оскорбления имеют разные, часто противоречивые воздействия на интеллектуальное, психологическое и социальное развитие ребенка. Кроме того характеристика самих ситуаций нанесения оскорблений по-разному влияет на ребенка. На его дальнейшее развитие влияет жестокость оскорбления, степень силы или насилия, частота этих случаев, период, в течение которого происходит жестокое обращение и кто выступает в роли “преследователя-насилыника”. Кроме того необходимо различать воздействие самих случаев нанесения оскорблений и насилия от влияния социально-экономических и культурных факторов. Важно также учитывать воздействия факторов внезапного острого насилия или постоянных семейных конфликтов.

Безусловно, все дети, подвергшиеся насилию, нуждаются в психологической помощи. Но это тема отдельного разговора.

Литература

1. Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая особенности детей, лишенных родительского попечительства. – Мн.: Тесей, 1999. – 160 с.
2. Холл З. Последствия сексуальных и психологических травм детства// Психол. журнал, № 5. – т.13, 1992. – С.120-129.
3. Finkelhor D., Dzuiba-Leatherman J. Victimization of children // American Psychologist. – vol. 49, No 3, 1994. – P. 173-183.